

Н. П. ОГАРЕВ И ЕГО ЕДИНОМЫШЛЕННИКИ*

Н. И. Воронина

В статье рассматриваются лучшие традиции прошлого, которые возвращают нас к опыту предшествующих поколений, становясь фактором и фактом философской мысли, прежде всего в публицистическом и литературном творчестве, приобретая колоссальный общественный резонанс. Особенности современного исторического момента, связанные с гуманизацией российского общества, обновлением духовно-нравственной сферы, выдвигают в центр внимания вопросы развития личности. Исторический философско-эстетический и музыкальный потенциал на примере российских мыслителей XIX в. является важным при осмыслении различных этапов культурной жизни нашего общества. В связи с этим духовная связь настоящего с прошлым представляется особенно интересной. Энциклопедизм знаний, высокая культура общения, неутомимость творческого поиска в любой сфере человеческого бытия и общественного сознания Н. П. Огарева и каждого из представленных в статье мыслителей продолжают вызывать интерес и в настоящее время. В статье рассматривается явление дилетантизма в музыке высшей пробы через особый «тип философствования» в музыке, анализ которого позволил нам увидеть в этом феномене музыку как богатство, благотворность, как вольную струю, как самое дорогое, что есть в жизни. Именно этим объясняется новизна и актуальность данной работы.

Ключевые слова: культура, XIX век, Н. П. Огарев, музыка, духовная связь, особый «тип философствования» в музыке.

N. P. OGAREV AND HIS CO-THINKERS

N. I. Voronina

The best traditions of the past, that return us to the experience of preceding generations, are examined in the article. They are becoming the factor and the fact of philosophical idea primarily in publicism and in literary work, acquiring huge public resonance. The features of today's historical moment, related to humanization of our society, updating of spiritual and moral sphere, put forward the questions of the development of personality in a spotlight. Historical philosophical-aesthetic and musical potential on the example of the Russian thinkers of the XIXth century is important in the comprehension of the different stages of cultural life of our society. And here spiritual connection of the present and the past appears to be especially interesting. Knowledge encyclopaedism the highest culture of communication, indefatigability of creative search in any sphere of human being and public consciousness of N. P. Ogarev and each of presented thinkers are saved an attractive force nowadays. The article shows the phenomenon of dilettantism in music of higher test through the special “type of philosophizing” in music, the analysis of which allowed us to feel music in this phenomenon as wealth, beneficence, as a free stream, as something – the most precious in life. In this perspective the paper material is new.

Keywords: culture, XIXth century, personality, N. P. Ogarev, music, spiritual relation, special “type of philosophizing” in music.

Малые литературно-художественные группы в первой половине XIX в. представляют собой культурную константу. В Москве в этот период группы живописцев привлекали внимание к своему творчеству открытием новой галереи, музыканты – созданием новых коллективов (хоры, квартеты, квинтеты, ансамбли, ор-

* Статья выполнена при поддержке РГНФ. Проект № 14-03-00099а

кестры). Кроме этого, был организован выпуск специализированного журнала. Статьи в нем отличались разнообразием тематики (философия, политика, литература, музыка и т. д.); приветствовалась свобода слова и печати. Постепенно писатели и художники стали стремиться к широкой известности, а затем – к возможной монополизации общественного мнения.

Это были случаи из *новой частной музыкальной жизни*. «Частной: не-светской, но и не церковной. Частной: не-публичной. Не публичной, но и не-индивидуалистической», согласно точному выражению искусствоведа Т. В. Чередниченко. Именно в 1820–30-е гг. возникло новое базовое переживание, новый тип отношения к творчеству и восприятию: не служение, не привлечение внимания, а *вовлеченность* в музыкальную стихию. И слушатель, и композитор в данном случае рассматривались как полноправные участники музыкального события.

Заметим, что в первой половине XIX в. была сформулирована концепция музыки, которая стала определяющей для развития русской музыкальной культуры в целом. В свете упрочения онтологических оснований музыки значение первой половины XIX в. было огромным. Мы не всегда признаемся в этом, описывая время до М. И. Глинки и А. Н. Серова как дилетантизм в музыке. Однако необходимо помнить, что именно на этом основании сложилась музыкальная традиция России.

Картина русской музыкальной культуры первой половины XIX в. является сложной и противоречивой. В этот период наблюдался разрыв между высшими достижениями и уровнем музыкального быта; значительная часть общества оставалась во власти отсталых вкусов и представлений. Кроме этого, русские композиторы не находили признания у себя на родине, европейская музыкальная классика была чуждой широким кругам общества, произведения русских композиторов не доходили до

зарубежного слушателя. Также не существовало системы профессионального музыкального образования.

В повседневной жизни приобрело популярность фортепиано, на котором исполнялись небольшие и несложные по форме пьесы и танцы салонного типа. Модными были вариации на тему А. А. Алябьева и А. Е. Варламова, пьесы И. Ф. Ласковского и Дж. Фильда. Открытые публичные концерты часто включали в себя легкую развлекательную музыку, однако предпринимались попытки устраивать вечера классической и мало тогда известной западной музыки, как правило, симфонической. В музыкальных театрах ставили итальянские, французские и немецкие оперы. Таким образом, оперная и концертная жизнь в российских городах и музыкальная педагогика были ориентированы прежде всего на иностранную музыкальную культуру.

Московская литературно-художественная среда 1830–40-х гг. стремилась объективно учесть и оценить бытование городской музыки, ее эстетически контрастные слои, понять опыт существования крестьянского фольклора в русской столице. В размышлениях о судьбе просвещения и развития национальной культуры популярное искусство выступало стимулом плодотворной полемики. Накапливались разнородные материалы повседневного обихода, развивались музыкально-психологические наблюдения в художественной литературе, начала формироваться историко-стилистическая методология анализа и оценки творчества любителей [1].

Главным результатом эмпирических исследований музыкального быта рассматриваемого периода стал *контраст* двух точек зрения (этнографической и историко-критической) на судьбы и функционирование в культуре народного творчества. Этот коренящийся в иррациональной природе художественного быта контраст позиций отдельных литераторов и музыкантов развился позднее, в 1860–1870-е гг., в *конфликт* публици-

стических противостояний. Приведем несколько примеров.

В журналах «Телескоп», «Московский наблюдатель», «Молва» (1830-е гг.), «Репертуар и Пантеон» и «Современник» наряду с информацией о музыкальных событиях присутствуют «мысли о музыке», «философия и история музыки», «нечто о старинных песнях» и т. д.

Кроме этого, нам представляются интересными рецензии на оперы Г. Мейербера и Дж. Верди Ю. Арнольда, В. Дамке, Д. Струйского, в которых говорилось, что залогом успеха у широкой публики явился банальный мелос и конфликт сильных страстей. Полемика вокруг лирического «наива» затронула множество специфических музыкальных вопросов, таких как итальянская опера и романтизм, жанровая стилистика любовно-лирической драмы, вокально-исполнительская природа ее лексики, эстетические приобретения романтической оперы, механизм восприятия «поджигающего» пения и т. д.

Внутренней пружиной полемики оказались обусловленные временем проблемы музыкальной социологии. Феномен почти универсальной психологической действительности (а следовательно, и просветительских потенций) итальянской оперы оказался исследовательским, ключевым. Поиски ответов, во-первых, направляли аналитическую мысль к стилистике бытового мелоса, во-вторых, активизировали аксиологические наблюдения. Наиболее полное отражение эта группа вопросов получила в выступлениях В. Ф. Одоевского. Вопросы музыкального просвещения все чаще рассматривались им как социально насущные. Говоря о заслугах филармонического общества, критик стремился содействовать обогащению содержания и форм этой деятельности. Соотношение эстетических свойств музыки и мнений публики давало основание ставить вопрос о несоизмеримых контрастах способности *слышать музыку и судить о ней*.

Предметом саркастического отношения были меломаны, чьи суждения

определяла мода: «высший круг остался тем же жалким и притом бессовестным подражателем» [11, с. 127].

Невежество слушателей и критики оценивалось как результат влияния консервативного околохудожественного сознания. Ирония по поводу музыки «с душой» («балаганный мотив Беллини и Доницетти, который преследует вас и в концерте, и в гостиной, и вариациях всех фортепианистов и скрипачей» [12, с. 177–178]) и «ученой», «без души» (например, симфонии Бетховена) помогла подчеркнуть мысль о нивелирующей силе дилетантизма, способного адаптировать множество данностей различного эстетического ранга.

Тонизирующей силой является оригинальное изобретение в сфере мелодики. «Руслан и Людмила», по мнению В. Ф. Одоевского – это стилистический антипод оскудевшей музыки Запада [13, с. 208]. Сила таланта М. И. Глинки заключается в бесконечности изобретения, слиянии достижений европейского искусства с российскими традициями. Противопоставляя «роскошный цветок» музыки Глинки миру дилетантизма, В. Ф. Одоевский углубился в вопросы философии музыки и проблемы музыкального восприятия. Он писал о труднодостижимой природе эмоции художественного наслаждения, подчеркивая эстетическую уникальность музыки, способность вызвать сложную гамму чувств.

Подчеркнем, что к 1840-м гг. все большее распространение начинает получать идея народности как проявления культуры. Проблемы народоведения стимулировали развитие интереса к фольклору в городской среде. Качественно разнородные собрания песен А. Л. Гурилева, А. Е. Варламова, П. П. Кашина, И. А. Рупина явились отзывами на растущий интерес к «природному» напеву. Причем обработки, переложения разного рода пользовались симпатиями большинства как *культура восприятия*, форма популяризации русского мелоса.

Н. Полевой приветствовал сборник П. Кашина; Д. Вневитинов утверждал,

что народность искусства «не в черевичках и не в бородах, не в картинах, принадлежащих какой-либо особенной стороне, но в самих чувствах поэта, напитанного духом одного народа и живущего, так сказать, в развитии, в успехах и отдельности его характера» [Цит. по: 2, с. 19]. Симптоматичны о времени и, пронизанные социальностью, суждения В. Г. Белинского о народности – «альфе» и «омега» нового периода. Об истинной народности «литературного духа» размышлял Н. И. Надеждин: «Ни исключительная народность, ни исключительное чужеядство недостаточны для полной литературной жизни» [14, с. 96]. Бесплодным и переходящим представляется И. В. Киреевскому «странный хаос недоразвитых мнений, противоречащих стремлений» в литературе 1840-х гг. Подражательность, по его мнению, губит искусство, беспомощное перед лицом социальных проблем; «незрелость литературы отражает незрелость общественного сознания» [9, с. 372].

Другая точка зрения была представлена Киреевским в «Песенной прокламации», что свидетельствует о наличии полемики в славянофильской среде. В предисловии к собранию народных песен И. В. Киреевский писал о «мрачной истине» действительности – об уничтожении красоты крестьянской песни и падении песенного творчества в городе. «Новое поколение песен, начинающее вытеснять прежнее, в самом деле недостойно того, чтобы им дорожить <...>. Вместо прежней красоты и глубины чувства встречается безобразие нравственной порчи, выраженное в бессмысленном смешении <...>, вместо прежней благородной прямоты – ужимистый характер сословия лакейского» [10, с. 9]. Проблемы такого характера находили свое отражение также в музыкознании Н. И. Захаров, который с сожалением писал об отсутствии теоретически разработанного «кодекса русской песни» и сильном влиянии европейских обычаев. В отзыве о сборнике русских песен А. Гурилева критик выступил поборником простоты, естественности; ев-

ропейские рулады, трели и двойные аподжиатуры «не дружатся с безыскусственным характером наших народных песен и не идут им вовсе, как седло корове» [7, с. 146–147].

Более исторически прозорливым оказался взгляд А. А. Григорьева. Ему близка мысль В. Г. Белинского о своеобразном переосмыслении Россией западных нововведений [4, с. 553]. «Песня не только растение: песня – сама почва, на которую ложится слой за слоем; снимая слои и посредством сличения вариантов можно иногда добраться и до первого слоя» [5, с. 122]. Вместо рассмотрения всех вариантов и слоев он призывал изучить типы народных певцов, их отношение к крестьянскому пению.

Итак, данный краткий обзор состояния музыкального искусства в России первой половины XIX в. и его эстетического осмысления позволяет сделать некоторые выводы, которые являются существенными для понимания тех оснований, на которых базировались музыкально-философские идеи московской литературно-художественной среды указанного времени.

Социальные процессы, происходившие в России и на Западе в этот период, оказали существенное влияние на складывание музыкальной традиции. Стереотип восприятия музыки как науки, как знания или как только развлечения, существовавший в общественном сознании на протяжении многих веков, носил прежде всего прикладной характер. С такой точки зрения, музыка создавалась для вполне определенной цели. Эстетическая оценка музыки также соответствовала этому распространенному заблуждению.

Перестройка искусства совершалась постепенно; процессы становления и самосознания личности отражались в музыке, но первоначально только как внутреннее накопление качества, духовного потенциала.

Осознание новых духовных возможностей музыки привело к возникнове-

нию различных форм субъективизма. Однако в его основе лежали новые объективные возможности музыки, которыми она теперь активно овладевала. 1820–40-е гг. XIX в., как мы показали, наметили новые черты восприятия музыки, принесли русскому самосознанию идею понимания музыки как содержательного и смыслового искусства.

Наряду с другими видами музыка осваивала мир в его реальности и полноте, принимала активное участие в художественном освоении действительности, становлении реализма. Этот процесс не был однозначным и получал противоречивое отражение в музыкально-эстетической мысли. Особенно острой являлась проблема понимания музыки.

Все это нашло отражение в философско-эстетических суждениях многих деятелей культуры. Например, А. И. Герцен, Н. П. Огарев, Н. В. Станкевич и В. П. Боткин не были музыкантами, но каждый из них считал музыку первоначалом духовной жизни человека. Нас привлекла специфика их мышления, проявляющаяся в новом типе духовно-практического освоения действительности. Примером данного положения служат высказывания Н. П. Огарева и В. П. Боткина о музыкальном вкусе или А. И. Герцена и Н. П. Огарева – о прекрасном в музыке. Показательным в этом отношении является их опыт целенаправленного и сосредоточенного слушания музыки, разных ее жанров и форм, а так же отражение практического музыкального опыта в неофициальных суждениях и взглядах.

Воззрения на музыку представленных мыслителей часто не совпадали, иногда приводили к противоречиям и парадоксам. Особенно это касается суждений о сущности музыки и ее духовных возможностях.

Новые социальные формы существования музыки в середине XIX в., в частности концертная практика, сделали актуальными новые параметры осмысления музыкального творест-

ва. Если в немецкой философии (Г. Гегель, К. Зольгер, Б. Краузе, Ф. Шеллинг, А. Шопенгауэр) музыка мыслилась как нечто всеобщее, специфический слой бытия, то в российской музыкальной практике одновременно происходил аналогичный всеобщий взрыв музыкально-стихийного. Он подрывал основы музыкального восприятия, вносил разлад в музыкальную жизнь, академические формы распространения музыки. Стихия музыки становилась фактором и фактом музыкальной эстетики. Признаки нарушения сложившихся канонов ощущались в первую очередь в литературном творчестве и публицистике. «Звучащая природа», тембры инструментов и голосов, романтизм музыкальных впечатлений, образные сравнения наполняют литературное творчество А. И. Герцена, Н. П. Огарева, Н. В. Станкевича, В. П. Боткина в разной мере, в разных манерах, но, безусловно, музыкально-романтическое содержание в 1830–40-е гг. стало более широким, чем специфический литературно-философский романтизм.

Подчеркнем, что в сложившейся московской литературно-художественной среде не проводили границ между музыкой природы, музыкой бытия и музыкой как художественным творчеством, произведением искусства. Напротив, подчеркивали непрерывность связи между ними, генетическую зависимость музыки как искусства от звуковых проявлений природы.

Романтически переживаемая и постигаемая музыка в разных отношениях стремится за рамки слухового и звукового, за рамки музыки как искусства. Она входит в систему философской и естественнонаучной мысли. Музыка соответствует различным сторонам и явлениям мира или совпадает с ними по своей сущности; она вступает с ними во всевозможные «уравнения» (Новалис). Особого рассмотрения заслуживала в тот период природа художественного творчества, а в нашем конкретном случае – музыкального. В ранних фи-

лософско-эстетических концепциях не только А. И. Герцена, Н. П. Огарева, Н. В. Станкевича и В. П. Боткина, но и В. Г. Белинского, М. А. Бакунина, В. Ф. Одоевского и окружавших их мыслителей в данном вопросе опора была на идеи Э. Гофмана: «<...> бессознательное – или, лучше сказать, невыразимое словами – познание и постижение тайной музыки природы» [6, с. 95]. Долгое время данная традиция существовала в русской музыкально-философской мысли. Ее настойчиво разрабатывали С. Т. Аксаков, Н. А. Мельгунов, В. Ф. Одоевский, Н. А. Полевой; музыка в их рассмотрении оставалась то чрезмерно теоретически отвлеченной, то излишне романтически приподнятой (как бы особым даром небес всему человечеству), то укорененной лишь в природе с ее внутренними закономерностями. В этих суждениях ощущалось «давление» традиции, эстетического наследия романтизма и немецкой классической философии. Тем не менее это была удивительная творческая лаборатория мысли, открывающая и осваивающая вместе с музыкой новый художественный мир.

А. И. Герцен, Н. П. Огарев, Н. В. Станкевич, В. П. Боткин – четыре имени круга единомышленников, не все из которых, как правило, ассоциируются с философией и музыкой. Но мы хотим обратиться к ним, подчеркнув, что именно в связи с этими людьми в середине XIX в. в России возникла проблематика философии музыки, произошло ее становление как особого феномена, который можно отнести и к разряду философии, и к разряду музыки, и к разряду культуры, и к разряду эвристики человеческого сознания вообще.

Развиваясь самостоятельно и параллельно, философия и музыка могли соединиться только в интеллектуальной среде, начинаясь как естественное бытие высокоразвитых в философском и художественном отношении людей. Взаимопроникая и обогащая философию и музыку, российская жизнь оказалась способной *творить* новые формы, разбивая

сложившийся стереотип о способности русского человека лишь соединять, репродуцировать в разных комбинациях, но не создавать. Именно у этих талантливых и мудрых россиян мы обнаружили динамичный поиск музыкальных смыслов тогда, когда это еще не было профессиональным делом в России.

Интересно, что этот феномен появился в повседневной жизни названных людей (общение в кружках, эпистолярные циклы, круг общих знакомых, впечатления от прочитанного, увиденного, услышанного). Человек живет вполне реальной жизнью – рассуждает, чувствует, думает о том, как воспитывать потомство, слушает и переживает музыку. И в этой комплексности жизни может возникнуть совершенно новый феномен – *онтологический*.

К сожалению, многие годы мы занимались только общественным сознанием, наукой, искусством, то есть всеми вторичными структурами. Однако онтологический статус данного феномена не менее интересен, глубок и многогранен, он породил необходимость и причинность. Не усиление музыки за счет философии, а именно формирование нового симбиоза – *философии музыки*, в структуре которого можно выделить 2 уровня опыта – несущий и теоретический (интеллектуальный), которые и есть не что иное, как философия.

Н. П. Огарев в истории культуры традиционно определяется как революционер-демократ. Многоаспектность научных исследований его жизни, казалось бы, давно исчерпала тему. И тем не менее, обращаясь к какой-либо частной проблеме, исследователи каждый раз сталкиваются с неизведанным, открывая новые горизонты исследования.

В данном случае изучение жизни и творчества мыслителей в аспекте музыки нарушает сложившуюся традицию, разбивает стереотип восприятия этих имен.

Обратилась к новым социальным формам существования музыки в России в 1820–40-е гг. В указанный период наметившиеся новые черты в восприя-

тии музыки принесли русскому самосознанию идею понимания музыки как содержательного и смыслового искусства (в отличие от утвердившегося – знание, наука или только развлечение!). Музыка в русском обществе становилась постепенно синтезирующим, интегрирующим началом жизни, мысли, чувства. Премьеры опер М. И. Глинки «Жизнь за царя» и «Руслан и Людмила», исполнение новых романсов А. А. Алябьева или А. С. Даргомыжского, песен Ф. Шуберта являлись важными событиями.

Все это подрывало старые основы музыкального восприятия, вносило сумятицу в музыкальную жизнь, академические формы распространения музыки заставлял прибегать к новым параметрам ее осмысления. Стихия музыки становилась фактором и фактом осмысления прежде всего в публицистике и литературном творчестве, приобретая колоссальный общественный резонанс.

Мог ли А. И. Герцен оставаться в стороне от столь бурного процесса? Конечно, он не вникал в детали и подробности, как Н. П. Огарев и В. П. Боткин, но ритмы музыкальных приливов и отливов в обществе – музыка истории – вот что их волновало. Музыка, создающая в объединяющем русле и уникальное многообразие человеческой жизни в ее конкретности, и общность ее другим людям. По такому конкретному принципу – общности интересов, обращенности к одним и тем же музыкальным явлениям, совпадению идей и ходов мысли о музыке мы избрали круг мыслителей, хотя известно, что уже в молодые годы идейные убеждения В. П. Боткина не совпадали с воззрениями А. И. Герцена и Н. П. Огарева, а во второй половине 1840-х гг. весьма ощутимо обозначились их идеологические расхождения. Возникали идейные разногласия и со Станкевичем. Все четверо не были объединены и каким-либо организационным началом. Некую общность, как в основе, так и в характере осуществления – активном, преобразующем, утверждающем и в то же время

универсально проявляющемся в аспекте их жизни, мы определяем через диалектику смыслополагания в музыке и ее модификаций.

Отдельные высказывания, критические замечания, наблюдения о музыке в контексте литературно-критических статей и философских обобщений, полемика о музыке в эпистолярной, документах, мемуарах, наконец, редкие случаи музыкальной публицистики в газетах и журналах говорят о том, что вокруг Н. П. Огарева существовала особая среда, в которой вырабатывалось особое отношение к жизни. Через сферу музыки высвечивалась жизнь души. Погружение в искусство, наслаждение музыкой, свобода художественно-эстетических высказываний как бы переносили их от официальной к «домашней» философии, «к особому типу философствования» [7, с. 60], который стирал между ними разнородные противоречия. Так, В. П. Боткин в своих музыкально-философских суждениях был тоньше, прозорливее, чем в политике, и это примиряло его с А. И. Герценом и Н. П. Огаревым. Это был личностный срез жизни, потребность души, особый уровень свободы по отношению к художественной деятельности. Метод объяснения музыкальных явлений у них также отличался от общепринятых. Они не стремились публиковать свои мысли, поэтому были свободны от официального диктата в художественной критике. Устраиваемые ими концерты, спектакли, музицирование возвышали русскую культуру быта, резко отличались от ее традиционных форм.

Эстетические чувства, возбуждаемые произведением искусства, проявляли себя в комплексе, доходящем до гармонии. Эти чувства были связаны и с образами фантазии, и с деятельностью интеллекта («умные эмоции» – Л. С. Выготский), и с волевыми стремлениями к совершенству, воплощенному в идеалах, и с игрой духовных сил человека, вызывающей необычайное наслаждение.

Духовная связь настоящего с прошлым также представляется интересной в изучении избранных представителей России XIX в. Энциклопедизм знаний, высочайшая культура общения, неутомимость творческого поиска в любой сфере человеческого бытия и общественного сознания каждого из представленных мыслителей сохраняют притягательную силу и в наше время. «Где, в каком углу современного Запада, найдете вы такие группы отшельников мысли, схимников науки, фанатиков убеждений, у которых седеют волосы, а стремления вечно юны», – восклицал А. И. Герцен в «Былом и Думах» [3, с. 45].

Эти лучшие традиции прошлого, представленные в личности Н. П. Огарева, и его единомышленников возвращают нас к опыту предшествующих поколений. Они заставляют искать и моди-

фицировать традиции передовых людей общества середины XIX в. Все смелее заявляют о себе, например, в современном музыкальном быту камерные общения, устные журналы, музицирование, самодеятельное творчество бардов, особым образом отражающие тенденции русской музыкальной практики XIX в. и наполняющие исследовательскую мысль плодотворным материалом.

Итак, Н. П. Огарев, которого мы чаще рассматривали как революционера-демократа, при более внимательном прочтении и снятии определенных идеологических штампов, случайностей и неопределенностей, связанных с сословными и социальными нюансами его личной и творческой жизни, открывают богатейшие пласты человеческого бытия в российской действительности середины XIX в.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Воронина, Н. И.** Н. П. Огарев : неисчерпаемость личности / Н. И. Воронина. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2013. – 167 с.
2. **Вульфийус, П. И.** Русская мысль о музыкальном фольклоре / П. И. Вульфийус ; под общ. ред. О. И. Соколовой. – Москва, 1979. – 360 с.
3. **Герцен, А. И.** Полное собрание сочинений : в 30 т. / А. И. Герцен. – Москва, 1956. – Т. 9. – 353 с.
4. **Григорьев, А. А.** Развитие идеи народности в нашей литературе по смерти Пушкина / А. А. Григорьев // Собрание сочинений. – Санкт-Петербург, 1876. – Т. 1. – 679 с.
5. **Григорьев, А. А.** Собрание сочинений. – Санкт-Петербург, 1914. – Вып. 2. – 221 с.
6. **Гофман, Э. Т. А.** Крейслериана : Житейские воззрения кота Мурра : Дневники / Э. Т. А. Гофман. – Москва, 1972. – 433 с.
7. **Захаров, Н. И.** Кое-что по поводу русских песен, собранных и переложенных для пения и фортепиано г. Гурилевым / Н. И. Захаров // Москвитянин. – 1852. – Т. 4. – № 13. – С. 146–147.
8. **Зеньковский, В. В.** История русской философии : в 2 т. / В. В. Зеньковский. – Ленинград, 1991. – Т. 1. – Ч. 2. – 280 с.
9. **Киреевский, И. В.** Критика и эстетика. – Москва, 1979. – 440 с.
10. **Киреевский, И. В.** Русские народные песни : в 2 ч. : Русские народные стихи / И. В. Киреевский // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. – Москва, 1948. – Ч. 1. – № 9. – 396 с.
11. **Одоевский, В. Ф.** Новая русская опера «Иван Сусанин» / В. Ф. Одоевский // Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». – 1837. – № 5.
12. **Одоевский, В. Ф.** Дилетанты / В. Ф. Одоевский // Санкт-петербургские ведомости. – 31 января 1839. – С. 177–178.
13. **Одоевский, В. Ф.** Записки для моего праправнука / В. Ф. Одоевский // Отечественные записки. – 1843. – № 34. – Отд. 7. – С. 208.
14. Хрестоматия по истории русской журналистики XIX в. / Сост. А. В. Западов, Н. М. Сикорский, А. П. Толстяков. – Москва, 1969. – 448 с.

Об авторе:

Воронина Наталья Ивановна, заведующий кафедрой культурологии и этнокультуры Института национальной культуры ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (Россия, г. Саранск, ул. Большевицкая, д. 68), доктор философских наук, kafkmg@mail.ru

Для цитирования: Воронина, Н. И. Н. П. Огарев и его единомышленники / Н. И. Воронина. – Вестник Мордовского университета. – 2014. – № 4. – С. 246–254. DOI: 10.15507/VMU.024.201404.246

REFERENCES

1. Voronina N. I. N.P. Ogarев: neischerpaemost' lichnosti [N. P. Ogaerv: inexhaustibility of personality]. Saransk, Mordovia University Press Publ., 2013, 167 p.
2. Vul'fus P. I. Russkaja mysl' o muzykal'nom fol'klore [Russian thought on musical folklore]. Moscow, 1979. – 360 p.
3. Gercen A. I. Poln. sobr. soch. [Complete works] in 30 volumes, vol. 9. Moscow, 1956, 353 p.
4. Grigor'ev A. A. Razvitiе idei narodnosti v nashej literature po smerti // Sobr. soch. Pushkina [Development of ideas of nationality in Russian literature after the death of Pushkin // Collected works], vol. 1. St Petersburg, 1876, 679 p.
5. Grigor'ev A. A. Sobranije sochinenij [Collected works], vol. 2. St Petersburg, 1914, 221 p.
6. Gofman Je. T. A. Krejsleriana. Zhitejskie vozzrenija kota Mura. Dnevnik [Kreisleriana. The Life and Opinions of Tomcat Murr. Diaries]. Moscow, 1972, 433 p.
7. Zaharov N. Koe-что po povodu russkih pesen, sobrannyh i perelozhennyh dlja penija i fortepiano g. Gurilevym [Something on Russian songs, collected and rearranged for piano and voice by Gurilev]. *Moskvitanin* – Moscovite. 1852, vol. 4, no. 13, pp. 146–147.
8. Zen'kovskij V. V. Istorija russkoj filosofii [History of Russian philosophy] in 2 volumes, vol. 1. Leningrad, 1991, 280 p.
9. Kireevskij I. V. Kritika i jestetika [Critics and aesthetics]. Moscow, 1979, 440 p.
10. Kireevskij I. V. Russkie narodnye pesni: v 2 ch, ch.1. Russkie narodnye stihy // Chtenija v imperatorskom obshhestve istorii i drevnostej rossijskih pri Moskovskom universitete [Russian folk songs: in 2 parts, chapter 1. Russian popular verses // Proceedings of Imperial Society of Russian History and Archeology, affiliated with Moscow University]. Moscow, 1948, no. 9, 396 p.
11. Odoevskij V. F. Novaja russkaja opera «Ivan Susanin» [New Russian opera “Ivan Susanin”]. *Literaturnye pribavlenija k «Russkomu invalidu»* - Literary addendum to “Russian Invelid”. 1837, no. 5.
12. Odoevskij V. F. Diletanty [Diletants]. Sankt-peterburgskie vedomosti – St Petersburg Proceedings. January 31, 1839, pp. 177–178.
13. Odoevskij V. F. Zapiski dlja moego praprapravnuka [Letters for my grandgrand-grandson]. *Otechestvennyje zapiski* – Fatherland letters. 1843, no. 34, chapter 7, 208 p.
14. Hrestomatija po istorii russkoj zhurnalistiki XIX veka [Anthology on history of Russian journalism of XIXth century]. Compiled by Zapadov A. V., Sikorskij N. M., Tolstjakov A. P. Moscow, 1969, 448 p.

About the author:

Voronina Natal'ja Ivanovna, head of Culturology, Ethnic and Cultural Studies chair of Institute of National and Folk Culture, Ogarев Mordovia State University (Russia, Saransk, 68 Bolshevistskaya Str.), Doctor of Sciences degree holder in Philosophy, professor kafkmg@mail.ru

For citation: Voronina N. I. N. P. Ogarев i ego edinomyshlenniki [N. P. Ogarев and his co-thinkers]. *Vestnik Mordovskogo Universiteta* – Mordovia University Bulletin, 2014, no. 4, pp. 246–254. DOI: 10.15507/VMU.024.201404.246